

А. С. ВАЩУК

СУДЬБА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ИЛИ ВКЛАД РЕГИОНА В РАЗВИТИЕ РОССИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

В статье предложена концепция «исторического вклада Дальнего Востока в развитие России», в основу которой положены достижения сибирских и дальневосточных ученых. Представлениям американских специалистов об этих территориях в русле «сибирского проклятия» автор противопоставляет потенциал концепций: имперской географии власти, научного и хозяйственного освоения региона, Центра – периферии, социально-политической безопасности. Некоторые результаты использования концепции показаны на примерах из периодов движения «встречь солнцу», имперского, советского и постсоветского.

Ключевые слова: *идеи, теории, концепции, исследовательский опыт, Россия-СССР, Дальний Восток, исторический процесс.*

Сегодня к дальневосточному региону привлечено активное внимание, как политиков, так и научного сообщества, активно обсуждаются новые стратегические документы по развитию Дальнего Востока: законы РФ «О территориях опережающего социально-экономического развития, «О Свободном порте Владивосток». В таких условиях интерес гуманитариев к региональной истории закономерен. Но возникает вопрос: на основе каких же методологических ориентиров можно исследовать региональный исторический процесс? В поисках ответа рассмотрим ряд идей отечественных и зарубежных ученых, выработанных в ходе изучения истории сибирских и дальневосточных территорий.

Одним из трудов, где предложена оценка исторического пути восточных территорий России, является книга «Сибирское проклятье: Как коммунистические плановики заморозили Россию»¹. Ф. Хилл и К. Гэдди анализируют советскую судьбу всей Сибири, в которую западные аналитики традиционно включают и российский Дальний Восток. Американские исследователи уповают на исключительную роль концепта рынка как основного мерила регионального прошлого. По их мнению, восточные территории – слабость (проклятье) России, «бремя» (термин является характеристикой исторической судьбы территории), поскольку они в советское время управлялись неэффективно, с точки зрения рыночных отношений; планированию противопоставлена «невидимая рука рынка». Авторы заключают: «...Да и сами эти города были не «настоящими», а

¹ Hill, Gaddy 2003. Русский перевод издан под названием «Сибирское бремя: Просчеты советского планирования и будущее России» (Хилл, Гэдди 2007).

«плановыми», «искусственными», «потёмкинскими», являясь «не социальными или экономическими образованиями», а скорее «центрами для складирования, перераспределения и руководства деятельностью и снабжением огромной плановой промышленности региона». Спорными выглядят советы зарубежных коллег, которые фактически не учитывают социокультурную российскую динамику, переходы к новым системам, фактор преемственности с прежними историческими этапами, хотя и претендуют на такой анализ. Безусловно, рационально-прагматический подход, который А. Багатуров в предисловии к данной книге назвал политической климатологией или теорией рациональной политики развития регионов всего мирового пояса особо сложных климатических условий, имеет право на существование². Мы приводим этот труд лишь в качестве примера некорректности встраивания прошлого региона в одну из жестких теоретических схем. Концепция «рынка» сужает знание об истории Дальнего Востока и не позволяет раскрыть её многогранность.

Представляется, что исторический процесс можно познать только в формате российского цивилизационного пространства, опираясь на концепцию «исторического вклада». Сама идея не является абсолютно новой или «вечной константой», но она позволяет объяснить историю Дальнего Востока в единстве цивилизационной и геополитической динамики. Общими принципами этой концепции могут быть следующие:

1) Рассмотрение роли региона применительно к особенностям времени и сущности экономических, социальных и политических систем России.

2) Учет знания политической элитой о данной территории и понимания значения территории во внутренней жизни, а также роли региона в обеспечении государственных и национальных интересов.

3) Анализ объективных и субъективных преимуществ, ресурсов, а также объективных и субъективных ограничений региона по отношению к внутренней и внешней среде.

4) Определение статуса региона в системе взаимоотношений Центр-периферия.

5) Анализ результатов политики в формате ожиданий и результатов российским обществом и правительством.

6) Выявление общих и постоянных исторических трендов – «показателей» (вне времени), включая советский период, не вырывая его из исторического пространства.

² Там же. 2007. С. 6.

В отечественной литературе содержание «вклада» в истории часто отождествляется с ролью региона в какой-либо конкретной общественно-экономической сфере в рамках определенного хронологического периода. Иногда историки акцентируют внимание на статус территории в установившейся экономической и политической иерархии российского пространства. Принимая такие принципы анализа, хотелось бы дополнить историческую картину повторяющимися общими векторами, которые формировали генетический код или судьбу Дальнего Востока.

В отечественной литературе уже предложен метод своеобразного методологического «шурфа», пронизывающего этапы российской истории. Впервые на материалах управления Сибири XIX – начала XX в. он был апробирован В.И. Шишкиным³. Мы попытались применить этот метод к истории Дальнего Востока. Представляется, что «судьбу» любой территории можно проследить, на основе комплексного изучения, опираясь не только на экономическую составляющую в историческом процессе, а на интеграционный подход гуманитарных методов. И современная отечественная наука располагает рядом достижений.

В частности, некоторые исходные позиции предлагаемой концепции «вклада территорий в развитие России» были заложены в работах А.В. Ремнева⁴. В разработанной им теории ментальной и политической географии на материалах XIX – начала XX в. выделяются несколько идей, которые мы используем в своей трактовке понятия «вклада». Во-первых, «центр» и «регион» – это термины, описывающие, прежде всего систему властных отношений. С управленческой точки зрения «центром» выступает столица – месторасположение высших учреждений государства, где принимаются стратегические управленческие решения. Во-вторых, главным направлением изучения управления становится пространственное структурирование власти. В-третьих, в России сложились большие территориальные общности (регионы), заметно выделяющиеся своей индивидуальностью, имевшие существенные социально-экономические, социокультурные и этноконфессиональные отличия.

Невозможно рассматривать вклад региона в российское цивилизационное пространство без учета такой составляющей как региональная идентификация. Когда мы вспоминаем образ городов, созданный зарубежными коллегами, то мы не можем абстрагироваться от главного субъекта истории – социума, проживающего в данном регионе. Население восточных районов в процессе своего формирования прошло не-

³ Шишкин 2013.

⁴ Ремнев 2000. С. 343–350; 2004.

сколько этапов обустройства и адаптации. Оно постепенно осознавало себя, в первую очередь через принадлежность к России, но и одновременно к особой территориальной общности, имеющей свою хозяйственную и социокультурную специфику. Региональная самоидентификация имеет территориальный характер, например, через восприятие населением разных форм льгот с учетом особенностей освоения и развития территории. Она также определяется через особые территориальные интересы, которые исторически прослеживаются в социально значимых психологических комплексах (например, патернализм с учетом статуса пограничных территорий). Несмотря на динамичность административных и экономических границ и в имперский, и в советский и постсоветский периоды), приток или отток населения, региональное сообщество сохраняло достаточно прочную устойчивость и долгую историческую инерцию в осознании своего единства в рамках российского пространства, но со своей спецификой.

Стоит также выделить идею А.В. Ремнева о содержании политического аспекта регионализма, что может проявиться, прежде всего, в осознании своего социально-экономического, административного, политического неравноправия или превосходства, а в потенции и в стремлении к автономии или даже к государственной обособленности. Особый административный (и даже политический) статус мог лишь усиливать или ослаблять региональные позиции⁵. Стремление к регионализму (например, сверх обычного деления на губернии в форме Приамурского губернаторства, ДВР или Дальневосточного края, области советского времени) объяснимо также известным несоответствием традиционного административно-территориального деления потребностям политики и управления, требующих более широких административных объединений. В свою очередь, крупные региональные образования воспроизводят общую схему структурируемого пространства, формируя свой центр и свою периферию, что особенно ярко проявлялось на примере административно-территориальных реформ 20–30-х гг. XX в. или создания федеральных округов в постсоветский период⁶.

Хотя А.В. Ремнев разрабатывал свою концепцию применительно к имперской России, тем не менее, указанные положения работают и при анализе процесса в советскую эпоху, но естественно с поправками и учетом всего событийного ряда. Сегодня мы располагаем богатейшим опубликованным наследием, которое раскрывает историческую нить

⁵ См.: Исторические проблемы... Кн. 1. 2014.

⁶ Вацук. 2013. С. 21–28.

части о российского прошлого – как сплетались воедино два процесса: всестороннее расширение знаний о Дальнем Востоке и интеграция территории в российскую цивилизацию. Включение территории в систему управления заслуживает особого внимания, именно данный аспект позволяет освободиться от упрощенного тезиса о «проклятии» и отразить вклад Дальнего Востока в российский исторический процесс.

Не потеряла своей актуальности в реконструкции событийного ряда в формате «исторического вклада» популярная в 1960–1970-е годы теория хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока. После создания института истории, археологии и этнографии ДВНЦ АН СССР – ИИАЭ ДВО РАН (1971) на базе этого комплекса идей работал большой коллектив (под руководством А.И. Крушанова)⁷. Хотя в целом сам проект имеет сложную исследовательскую судьбу и отражает влияние советской формационной историографии, но источники, введенные исследователями, выстраиваются в русле концепции «вклада».

Одной из первых фундаментальных работ, отвечающей на вопрос о роли Дальнего Востока в российской истории стала коллективная монография «Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг.»⁸, раскрывающая значение региона в преодолении советским обществом последствий Второй мировой войны. Правомерность концепции «вклада» подтверждает также событийный материал, выявленный сахалинскими и магаданскими и другими дальневосточными историками⁹.

Большое значение имеют труды ученых, сочетающих анализ территориальной структуры хозяйства региона и методов управленческого воздействия. Методика максимально раскрывает выгоды и ограничения экономико-географического положения того или иного региона. Определенным пиком научного осмысления результатов региональной политики в советский период стала коллективная работа ученых Института географии АН СССР «Центр и периферия в региональном развитии»¹⁰. Не рассматривая истории данной идеи, (она раскрыта А.Е. Савченко¹¹) заметим, что сегодня историки активно обращаются к современному пространственному подходу. На материалах Дальнего Востока он разрабатывался школой А.П. Минакира¹² (здесь можно опереться на тезис

⁷ История Дальнего Востока СССР... 1991; Дальний Восток России... 2003.

⁸ Мир после войны... 2009.

⁹ История Сахалина и Курильских островов... 2008. С. 115–247; 265–668; Бацаев 2002; Зеляк 2004; Широков 2009; и др.

¹⁰ Центр и периферия... 1991.

¹¹ Савченко. 2011. С.8–22.

¹² Тихоокеанская Россия–2030... 2010. С. 15–131.

о цикличности в экономической истории региона) и пространственной экономической географией под руководством П.Я. Бакланова¹³ (специфика территориально-производственных комплексов).

Расширяет нашу аргументацию в пользу применения понятия «вклада» региона в российскую историю XIX–XXI вв. парадигма национальной безопасности, включающая социально-политическую концепцию, разработанную дальневосточными историками, их выход на уровень понимания проблемы через вектор чередования стратегий двух моделей – стабилизационной и динамической. В рамках «вектора чередования» раскрывается очень сложная и многослойная картина ответа региона на вызовы Центра. Именно изучение «ответа Дальнего Востока» выявляет многие аспекты миссии (синоним роли) региона в истории России¹⁴. Наиболее яркий пример – описание трансформации пути от статуса российской территории-крепости к статусу площадки для диалога в АТР, от дальневосточной окраины к развитию Тихоокеанской России. Другой пример – историческое движение от строительства Транссиба до приобретения территорией значения международного транспортного коридора (МТК «Приморье-1», «Приморье-2»).

Таким образом, каждая из анализируемых концепций работает на понимание многоуровневого, многогранного, как с положительным эффектом, так и деструктивным элементом, вклада Дальнего Востока в историческое развитие России. Этот многослойный характер исторического феномена «судьбы» мы попытались представить в формате сжатого научного очерка.

Результаты изучения истории Дальнего Востока в русле концепции «исторического вклада». С присоединением Дальнего Востока завершился процесс становления Российского государства как евроазиатского¹⁵. Расширение территории и укрепление позиций государства на Тихом океане создали важнейшие условия для того, чтобы Россия развивалась как морская держава. В XIX в. началась «эпоха» выполнения регионом национального назначения – «территории-крепости». Советский Дальний Восток стал наследником этой миссии в российской истории.

Стратегия и формы реализации защиты интересов России, СССР на Тихом океане сформировали долговременную доминанту ментальности национальной элиты. Восприятие Дальнего Востока как «территории-крепости» российской и советской элитой становилось долговре-

¹³ Тихоокеанская Россия: страницы прошлого. 2012.

¹⁴ Исторические проблемы... Кн. 1. 2014; Кн. 2. 2014.

¹⁵ См. подробно: Шикин 2013.

менным фактором сохранения ее политической культуры, в основе которой находилась проблема взаимоотношений Центра и важного геополитического региона. Дальневосточный вектор оказался одним из условий воспроизводства государственно-державного менталитета в России, в том числе и в советскую эпоху.

Правительства имперского и советского периодов¹⁶ получали в регионе опыт укрепления сухопутных и морских границ с возможностью соотнесения русской колонизации, советской индустриализации, дипломатического «багажа», всего военно-политического потенциала обеспечения охраны границы вдали от политического центра и стратегического ресурса¹⁷. Регион всегда осуществлял функции тыла в случае угрозы с Запада и прифронтовой линии – в случае угроз с Востока.

Наличие дальневосточных территорий в государстве заставляло Центр организовывать согласно конкретной исторической ситуации формы территориального управления – создание постов, Амурской линии, губернаторства, наместничества, ДВР, Дальневосточного края, ДВФО, что обеспечивало целостность и безопасность России. Так, в период распада Российской империи и становления Советского государства образование ДВР создало условия для сохранения территориальной целостности РСФСР и стало одним из факторов образования СССР, а также урегулирования международных отношений, при этом ДВР не стала экономической «обузой» для слабого советского государства.

В условиях тоталитарного политического режима Дальний Восток оказался регионом территорией активной индустриализации, проводившейся за счет мобилизационно – распределительных ресурсов и в то же время концентрации пенитенциарной системы, местом жизнедеятельности политических заключенных.

Дальневосточное сообщество всегда отвечало на политический вызов Центра, выполняя функции не только периферии, но и обеспечения социально-политической безопасности государства. С момента присоединения Дальнего Востока к России и до 90-х гг. XX в. его вклад в развитие государственности особенно проявился в процессе становления и функционирования военно-политической системы, в завершении процесса формирования Военно-морского флота в России. Силовые структуры на Дальнем Востоке оказались фактором складывания российской модели государственно-правового развития. Военные структуры в период освоения региона, а также в дальнейшем в условиях мало-

¹⁶ Ткачева. 2013. 340 с.

¹⁷ Дятлов. 2008. С.11.

численности населения, выполнили целый ряд политических, управленческих, хозяйственных и социальных функций¹⁸. Для российской политической элиты Дальний Восток в определенные годы служил «сигналом» о военной слабости России (например, Нерчинский договор 1689 г., русско-японская война 1905 г. – уступка части Сахалина к югу от 50-й параллели), и вместе с тем дальневосточники в тяжелые годы символизировали силу крепости российского духа и патриотизма.

Восточные территории в особые периоды истории стимулировали российскую политическую элиту на организацию форм прямого военного управления (создание городов – крепостей Владивосток, Петропавловск-Камчатский, наместничество, укрепрайоны, военные округа, закрытые территории и военно-промышленные предприятия), влияя в целом на общий политический процесс и характер всего хозяйственного комплекса в государстве. Непосредственные военные конфликты в регионе, такие как Хасан, Даманский, война с Японией – завершающий акт Второй Мировой войны оказались корректирующим опытом для общей военно-политической советской доктрины и демонстрацией героизма советской армии, символом победы. В предвоенный период и годы Второй мировой войны восточный оборонительный рубеж выполнил единую для СССР задачу – тыла и прифронтовой территории¹⁹.

В концепции А.В. Ремнева заложена одна из главных идей, которую мы включаем в концепцию «вклада», – вопрос с методологическим значением: «Зачем России нужны были сибирские и дальневосточные территории?». Мотивация государства и части общества движения за Урал в литературе рассматривается, как правило, в прагматическом ключе – получение дополнительных источников ресурсов. Этот подход получил уже мощное освещение, в том числе и в региональной историографии²⁰. Но сам процесс интеграции территории в российскую цивилизацию можно понять только в рамках культурной парадигмы.

Вспомним, что на переднем плане книги «Сибирское бремя» находится анализ природно-климатических условий. Бесспорно, природно-географический фактор во многом формировал социокультурную динамику восприятия земель, лежащих за Уралом. В этом идейном комплексе Дальний Восток стимулировал расширение географических, природно-климатических сведений на континенте. И на протяжении трех веков регион был одной из «культурных кладовых», пополняющей знания

¹⁸ Советский Дальний Восток... 2014. 334 с.

¹⁹ Ткачева. 2013. 340 с.

²⁰ Шеглов. 2002. С.65–86.

политической и интеллектуальной элиты о народах, населяющих территории за Уралом до берегов Тихого океана. Учреждения и институты культуры, созданные на Дальнем Востоке политической волей государства (в досоветский период – частично при помощи частной инициативы), были интегрированы в российскую научную систему, они выполнили в общем процессе функцию ретрансляции новой информации об окружающем мире, в том числе о восточной цивилизации²¹.

Дальневосточному историку В.Н. Чернавской в жанре историко-географического очерка удалось представить масштабную картину географических исследований о Дальнем Востоке, причем в контексте позиций государственных деятелей и знаний о внутренней политике России, о статусе России с учетом географических открытий. Сделано это на фоне определения политической элитой того, что мы можем назвать геополитическим пространством России²². История русских географических открытий изначально была связана с внешней политикой России на Тихом океане, но это не исключало целеустремленного научного освоения территории, что наблюдалось от времени продвижения «встречь солнцу» к эпохе Тихоокеанской России. Дальний Восток оказался одной из стартовых площадок великих географических открытий мирового значения, его природный ландшафт – богатейший материал для развития разных областей знаний и, прежде всего, для науки об океане, этнографии, археологии, геологии и др.

Каждый век имел собственный характер, но при этом прослеживаются определенные общие черты цивилизационного процесса и звенья вклада Дальнего Востока в российскую историю. Рамки статьи позволяют привести лишь некоторые факты из общего событийного ряда: от времени научного любопытства царствующих особ России к неизведанному пространству до формирования научной политики советского периода с учетом её азиатских территорий. В качестве иллюстраций приведем две области естественных знаний. Первая связана со знаниями природы сначала сухопутной части, а в дальнейшем и океанских просторов. Так, первое научное исследование восточных территорий было предпринято по инициативе Петра I доктором медицины Даниилом Готтлибом Мессершмитом (1685–1735), который был приглашен в Россию для изучения «всех трех царств естества» Сибири. Результатом его семилетнего странствия, положившего начало планомерному исследованию Сибири, а также Дальнему Востоку стало десятитомное «Обо-

²¹ См.: Соколов 1999; Владимирова 2005; Ларин, Ларина 2001.

²² Чернавская 2003; 2006.

зрение Сибири или три таблицы простых царств природы». Рукопись на латинском языке впоследствии использовалась многими учеными²³. Яркими иллюстрациями вклада в копилку научных знаний являются материалы из трудов И. Барсукова²⁴, В.К. Арсеньева²⁵ и других ученых. Естественное стремление части российской и советской политической и интеллектуальной элиты использовать Дальний Восток как площадку научных знаний для укрепления мощи России проходит рефреном всей российской истории научной политики. Коммуникативный аспект отношений советской власти и науки объясняет вектор и степень вклада ученых-дальневосточников в общие достижения и открытия²⁶.

Вследствие политической воли советских лидеров был создан в 1970 г. Дальневосточный научный центр. Исторический выход россиян к берегам Тихого океана обернулся для будущих потомков XX – начала XXI в. новым витком научных открытий мирового уровня. Например, учёные Тихоокеанского института биоорганической химии за последние годы разработали ряд новых лекарственных препаратов и биологически активных добавок. Разработки института без преувеличения можно назвать уникальными. Лекарственные препараты ТИБОХа, его БАДы не имеют аналогов, а по эффективности они превосходят средства того же типа, используемые современной медициной. С культурных позиций трудно назвать регион «бременем или проклятием»; Тихий океан – это огромный природный ресурс России.

Вторая группа примеров – природно-ресурсное направление, которое более столетия обеспечивало национальную безопасность, давая стране золото. К началу XX в. россияне имели лишь первичные научные данные о колымских районах²⁷. Правительство России, стремясь к пополнению золотом своей казны, организовало целую серию экспедиций и систематическое изучение территорий. Императорское географическое общество снаряжало несколько экспедиций. Государственное финансирование экспедиций проводило и советское руководство²⁸. Геологические исследования экспедиции Ю.А. Билибина²⁹ – прямой вклад в экономическую безопасность России. Традиции развития геологической науки, несмотря на многие трудности и испытание временем, раз-

²³ Цит. по Чернавская. 2006. С.43–44.

²⁴ Барсуков. 1895. 614 с.

²⁵ Арсеньев. 2012. Т.3. 816 с.

²⁶ Васильева. 2001. 300 с.

²⁷ Богораз-Тан. 1925. С.8-16; Глотов, Глотова. 2002. С. 191.

²⁸ Геологоразведочная служба... 2000. С. 3; Навасардов. 2002. С. 15.

²⁹ Цареградский 1987. С. 189.

виваются в начале XXI в. Центр изучения запасов минерально-сырьевых баз России сегодня находится в институтах ДВО РАН. С переходом к рынку и постепенным внедрением системы национальных счетов по методологии статистического агентства Европейского союза в качестве элемента национального богатства могут быть представлены и ресурсы полезных ископаемых, квалифицированные как «активы», независимо от того вовлечены они в оборот или не вовлечены.

Дальний Восток стал с конца 1920-х гг. частью централизованной советской экономики и источником поступления природных ресурсов, но его общая полезность в самой хозяйственной системе была неравномерной. Дальний Восток расширил систему хозяйственного «взаимопитания», но своим богатством природных ресурсов создавал Центру условия для консервации экстенсивного развития экономики. Однако советский опыт нельзя квалифицировать как «ошибку» или «проклятие». Установленный партийно-советскими органами тип хозяйствования лишь воспроизводил одну из характерных черт российской цивилизации – экстенсивный путь, и не только в Сибири и на Дальнем Востоке, а в целом государстве. Введение в хозяйственный оборот природных богатств в условиях централизованного государственного управления соответствовало политическому режиму и всей системе регулирования занятости, и в этом была советская системность. Специфика и проблемы регулирования трудовых ресурсов и трудовых отношений в СССР глубоко проанализированы в книге японского специалиста Садаеси Оцу³⁰.

Дальний Восток – это территория апробации практики подчинения хозяйственного развития региона общеэкономическим целям государства. Так, с 1960-х гг. он становится площадкой для реализации новых форм экономической интеграции – была введена специализация территориально-производственных комплексов. Проблемы региона и одновременно его возможности оказались катализатором появления региональных комплексных программ развития, начиная с политического документа о комплексном развитии производительных сил Дальнего Востока (1967) до федерально-целевых программ. Освоение природных ресурсов территории было включено в межрегиональное разделение труда (в пределах СССР и стран СЭВ) до конца 1980-х гг. Вклад региона в развитие советского хозяйственного комплекса характеризовался состоянием отраслей специализации, связанных с введением в хозяйственный оборот природных ресурсов (добыча руд цветных металлов, угля, нефти, газа, заготовка древесины, добыча и переработка морепродуктов).

³⁰ Оцу. 1992.

Предприятия региона отправляли 80–100% продукции в Казахстан, в европейскую часть страны, на Урал, Сибирь и в другие регионы СССР. В 1960–1970-е гг. на Дальнем Востоке развивалось машиностроение, но его доля в общесоюзном производстве оставалась крайне незначительной. Лишь по некоторым видам оборудования достигала 20%. Доля региона по вывозу леса с Дальнего Востока в регионы РСФСР составляла 7,6–8%, однако на экспорт уже тогда отправлялось в 2,6 раза больше, чем вывозилось в другие районы страны. За 70 лет советского промышленного освоения современной территории Магаданской области было добыто около 2700 т золота, в т.ч. из рудных месторождений почти 200 т (7,4%). Сложившийся к настоящему времени уровень золотодобычи составляет 29–30 т в год (более 25% общероссийской). Дальневосточные порты всегда были и являются для России важнейшими центрами морских перевозок леса, рыбы, углеродного топлива, нефти и др.

С присоединением региона Россия приобрела опыт колонизации особого типа, интеграции новых территорий с учетом геополитического значения, наличия природных ресурсов, специфики формирования населения. Основное содержание такой колонизации составляли следующие элементы: распространение идеологии государственного патронажа, который модернизировался параллельно с изменениями политического режима, социально-экономического строя; особая организация налоговой системы (ясака для коренных жителей); введение системы льгот для переселенцев (специфика наделения землей), допущение иностранного капитала. В советский период появились и другие формы: идеологические и административные методы вовлечения коренных народов в советское экономическое и культурное пространство, продолжение заселения Южного Сахалина, Северо-Востока; использование принудительных миграций, создание особого управленческого сектора Гулага (Дальстрой); организация сельскохозяйственного переселения и обустройство населения за счет установления особой системы льгот для переселенцев с учетом ценностей времени, опора власти на стратегию рационального распределения трудовых ресурсов; централизованное распределение финансовых и материальных ресурсов с учетом возможностей государства и его потребностей в природно-сырьевых ресурсах и т.д.

В конце XIX–XX в. регион обеспечил экспортную политику России. Именно здесь был апробирован опыт порто-франко. Регион, став неотъемлемой частью экономического пространства, усилил позиции России в торговых отношениях с северным Китаем. Транспортный коридор Транссиб, КВЖД и порт Владивосток в определенной степени способствовали запуску механизмов саморазвития в России, что отра-

зилось в формировании предпринимательства на территории. Одновременное развитие банковского дела на востоке позволило более десяткам русских и зарубежных банков иметь здесь свои представительства. Однако ориентация на развитие капиталистической экономики на дальневосточных территориях преимущественно в государственных интересах в условиях постоянной внешней угрозы сохраняла инерцию экономической колонизации преимущественно за счет государственных ресурсов, хотя капиталистический уклад в промышленном и сельскохозяйственном производстве региона значительно расширил территорию господства рыночного хозяйства в России в начале XX века.

В первые годы Советской власти Центр продолжал использовать экспортную и сырьевую специализацию региона, возможности Транссиба и портовой инфраструктуры Владивостока как важнейшее направление выхода в Северо-Восточную Азию. Постепенно по мере индустриализации и позднесоветской модернизации регион превращался в «транспортный коридор» для развития торговых отношений с окружающим миром. С 1960-х гг. Дальний Восток выполнял функцию продвижения России на рынки стран АТР, началось привлечение японского капитала для разработки сырьевых ресурсов региона в форме компенсационных соглашений, региональное сотрудничество было монополизировано государством. К 1965 г. прибрежная торговля значительно расширилась: экспорт советских товаров в 1963 г. составил 602 тыс. долл., а в 1965 г. – 3,6 млн долл., в таком же объеме возрос импорт; т.н. «прибрежная торговля» осуществлялась по линии специально учрежденной в 1964 г. государственной организации «Дальинторг», позднее Дальневосточное отделение В/О «Экспортлес». В 1970-е гг. Дальний Восток стал звеном транспортной системы «контейнерных перевозок» Восток – Запад.

Хозяйственный вклад региона в развитие России обеспечивался поддержкой государства, но с чередованием периодов ее активности и снижения. Сначала реализовывались специальные постановления ЦК и СМ СССР, которые обеспечивались плановым распределением капитальных вложений в сторону их увеличения, а затем на смену им пришли долговременные программы, но в 1980-е гг. они выполнялись лишь частично. Поддержка Дальнего Востока увеличивалась, когда государство особенно нуждалось в определенных сырьевых источниках и имело на это ресурсы или усиливалась внешняя угроза, но в периоды общего экономического ослабления страны (в послевоенное десятилетие и во время распада СССР, первые постсоветские годы) регион терял преференции в социально-экономическом финансировании и не был «бременем».

В условиях радикально-либеральных политических и экономических реформ 1990-х гг. и резко возросших транспортных тарифов, либерализации всех форм экономического сотрудничества, хозяйственные связи дальневосточных субъектов в течение двух-трех лет из межрайонных трансформировались в международные. При этом ресурсная составляющая вклада территории в развитие хозяйства остается основной характеристикой, несмотря на формирование рынка в России.

В начале XXI века вклад региона в экономическое развитие России проявляется в форме участия в международных транспортных коридорах. Реализован пилотный проект – первый шаг к воссоединению коридора межкорейской железной дороги и стыковке её с Транссибом³¹. Функционируют международные транспортные коридоры «Приморье 1», «Приморье-2». Современный тихоокеанский поворот России базируется на всем предшествующем багаже, т.е. вкладе региона, безусловно, в новых геополитических и геостратегических условиях.

Современные концепции изучения истории Дальнего Востока позволяют выявить влияние региона на развитие некоторых негативных процессов в стране. Так, особенности формирования предпринимательства (преобладание компаний-рантье, вывоз леса, рыбы, биоресурсов в Восточную Азию) в начале XXI в. и резкое ослабление государства привели к тому, что ресурсный потенциал использовался не эффективно, с точки зрения интересов населения. А вопрос, эффективно ли для отдельных компаний, еще предстоит изучить.

В настоящее время Дальневосточный регион – это площадка зеркального отражения потенциальных возможностей государства реализовывать федеральные программы и крупные проекты. Среди них результаты Саммита АТЭС 2012 г., проведенного в г. Владивостоке. Хотя этот проект свидетельствует о противоречивых результатах дальневосточной политики, которая осуществляется Центром во второй половине XX в. В дальневосточных проектах начала XXI в. сошлись чисто демонстрационные эффекты для внутрироссийского и международного «пользования» и стремление политиков решить стратегические задачи России, «уравновесить» свою европейскую геополитическую ориентацию азиатско-тихоокеанским направлением.

Дальневосточный регион можно рассматривать и как территорию, выполнявшую функцию социального «клапана», которым царизм и советское правительство в определенные годы пользовались для ослабления демографической и социальной напряженности в центре России.

³¹ Российский бизнес заходит в КНДР... 2015. С. 12-14.

В жизни советских людей Дальний Восток играл многогранную социально-культурную роль. С одной стороны, как один из источников знаний об окружающем мире, площадка развития советского образования и науки, но с другой – место политической «ссылки», как в прямом, так и в переносном смысле. Регион решил задачу резервной территории не только для ссыльных и каторжан, но также для чрезмерно активных романтиков, искателей приключений и лучшей жизни, энтузиастов.

Социально-демографический вклад региона в историю российской цивилизации определяется и через процесс урбанизации России в XX в. – его периферийный пояс формировался преимущественно за счет дальневосточных территорий (это Хабаровский и Приморский края, Амурская область, Камчатская область и Магаданская область).

В современной литературе широкое распространение получила теория повседневности, которая дает совсем другой образ городов Благовещенска, Хабаровска, Владивостока (в т.ч. начала советской эпохи), нежели представленный американскими исследователями. Если авторы не доверяют российским материалам, то такой источник как «Письма из Владивостока (1894–1930)»³² или книга немецкого историка Л. Деega³³ возможно, будут убедительными в споре о «потемкинских» городах Сибири. Хотя надо признать, что на Дальнем Востоке были построены новые малые города и поселки, имевшие печать временности, сезонности, принудительного переселения. Но такой облик преобладал до 1960-х гг. В 1960–1970-е гг. шло индустриальное развитие дальневосточных городов, а также развитие социально-бытовой инфраструктуры. В начале XXI в. многие малые города и поселки региона пополнились памятниками разрушенных жилых, производственных и недостроенных зданий времени Перестройки, что нельзя признать положительным опытом³⁴.

Таким образом, для изучения истории дальневосточных территорий уповать только на рационально-рыночную концепцию по меньшей мере некорректно, необходим междисциплинарный подход. Отдельные концепции истории Дальнего Востока создают важнейшие предпосылки для складывания современной парадигмы знаний. Выход на научную программу «исторического вклада» подготовлен целой плеядой ученых Сибири и Дальнего Востока, именно она может сформировать перспективное научное направление в условиях глобализации исторической науки.

³² Элеонора Лорд Прей. 2008. 448 с.

³³ Деег. 2012. С.396.

³⁴ Тридцать лет перехода. 2014.

БИБЛИОГРАФИЯ**Источники**

- Арсеньев В.К.* Собр. соч. в 6 томах. Владивосток: «Рубеж», 2012. Т. 3. 816 с.
- Барсуков И.* Поездка по реке Сунгари. Уссурийский край. По реке Амуру. Исследования и материалы // Материалы для биографии Н.Н. Муравьева-Амурского. Т. 4. СПб., 1895. 614 с.
- Богораз-Тан В.Г.* Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. 1925. № 3. С. 8-16.
- Геологоразведочная служба Северо-Востока России из воспоминаний горного инженера России, академика Н.А. Шило // Колымские вести. 2000. № 10. С. 3-5.
- Тридцать лет перехода. К оценке вектора социальной трансформации на примере Приморского края (1985 – 2014 гг.): Аналитический отчет по гранту Президиума ДВО РАН № 12-Ш-А-11-219 «Приморский край: потенциал модернизации региона в свете итогов социальной трансформации (1985–2010 гг.)». Руководитель проекта: Вашук А.С. // Официальный сайт института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. [Владивосток, 2014]. URL: <http://ihaefe.o/tg/publishings/publications/on-line> (время доступа 12.02.2015).
- Цареградский В.* По экрану памяти. Воспоминания о Второй Колымской экспедиции 1930–1931 годов. Магадан: Кн. изд-во, 1987. 168 с.
- Элеонора Лорд Прей.* Письма из Владивостока (1894–1930) / под ред. Биргитты Ингемансон; пер. с англ. А.А. Сапелкина; Приморский музей им. В.К. Арсеньева. Владивосток: Рубеж, 2008. 448 с.

Литература

- Бацаев И.Д.* Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. 217 с.
- Зеляк В.Г.* Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30–50-х гг. XX в. Магадан: Кордис, 2004. 283 с.
- Васильева Е.В.* Политика советского государства в области науки как фактор трансформации социальной структуры научной интеллигенции Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2001. 300 с.
- Ващук А.С.* Проблемы управления Дальневосточным регионом в советский и постсоветский периоды // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 21–28.
- Владимирова Д.А.* Проблемы этнокультурного взаимодействия и взаимовосприятия китайцев и русских на российском Дальнем Востоке и Северо-Востоке Китая: Дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005. 225 с.
- Готов В.Е., Глотова Л.П.* Охотский район – предшественник "Золотой" Колымы: история открытия, становления, условия добычи золота // II Диковские чтения. Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 191-195.
- Дальний Восток России в период революций и гражданской войны (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1). Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
- Деев Л.* История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924 гг.) / пер. с нем. Е. Крепак. Изд. испр. и доп. Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 396.
- Дятлов В.В.* От наместничества до регионального командования // Военно-исторический журнал. М., 2008. № 2. С. 9–131.

- Исторические проблемы социально-политической безопасности российского дальнего Востока (вторая половина XX– начало XXI в.). Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.; Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 224 с.
- История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 471 с.
- История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия / М.С. Высоков, А.А. Василевский, А.И. Костанов, М.И. Ищенко, отв. ред. М.С. Высоков. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2008. 712 с.
- Ларин В.Л., Ларина Л.Л.* Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX–XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2001. 312 с.
- Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4.) / Под общ. ред. В.Л. Ларина. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с.
- Навасардов А.С.* Транспортные освоения Северо-Востока России в 1932–1937 гг. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2002. 184 с.
- Оцу С.* Советский рынок труд: Анализ японского специалиста / Пер. с японск. М.: Мысль, 1992. 431 с.
- Ремнев А.В.* Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3/4. С. 343–350.
- Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–начала XX в. Омск: Издательство Омского гос. ун-та. 2004. 552 с.
- Российский бизнес заходит в КНДР через Дальний Восток // *Единство*. М.: Международная корейская ассоциация «Единство», 2015. № 2. С. 12–14.
- Савченко А.Е.* История административно-политических отношений Центра и регионов юга Дальнего Востока (середина 1980-х –1990-е годы): Дисс... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 285 с.
- Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей / отв. редактор Е.Н. Чернолуцкая. Владивосток. ИИАЭ ДВО РАН, 2014, 334 с.
- Соколов В.Н.* «Никанское царство»: Образ неизвестной территории в истории России XVII-XVIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1999. 338 с.
- Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / Под ред. П.Я. Бакланова. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
- Тихоокеанская Россия–2030: сценарное прогнозирование регионального развития / Под редакцией П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.
- Ткачева Г.А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск: ХКМ им. И.И. Гродекова, 2013. 340 с.
- Хилл Ф., Гэдди К.* Сибирское бремя: Просчеты советского планирования и будущее России / пер. с англ. М.: Науч.-образ. форум по междунар. отнош., 2007. 328 с.
- Центр и периферия в региональном развитии / О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш. М.: Наука, 1991. 168 с.
- Чернавская В.Н.* «Восточный фронт» России XVII–XVIII в. Историко-историографические очерки. Владивосток: Дальнаука, 2003. 176 с.
- Чернавская В.Н.* Россия на Тихом океане. XVIII – первая половина XIX в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 256 с.

- Широков А.И.* Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки истории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 460 с.
- Шишкин В.И.* Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. 2013. Март. URL: http://zaimka.ru/wp-content/uploads/2013/03/zaimka-ru_shishkin-government.pdf (время доступа 14.01.2015).
- Щеглов В.В.* О мотивации российского продвижения «встречь солнцу» в конце XVI – XVII вв. (Попытка осмысления проблемы) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2002. № 2. С. 65–86.
- Hill F., Gaddy C.* The Siberian curse: How communist planners left Russia out in the cold. Washington: Brookings Institution Press, 2003. 302 p.

REFERENCES

- Arsen'ev V.K. *Sobr. soch.* v 6 tomakh. Vladivostok: «Rubezh», 2012. T. 3. 816 s.
- Barsukov I. Poezdka po reke Sungari. Ussuriiskii krai. Po reke Amuru. Issledovaniya i materialy // Materialy dlya biografii N.N. Murav'eva-Amurskogo. T. 4. SPb., 1895. 614 s.
- Bogoraz-Tan V.G. Podgotovitel'nye mery k organizatsii malykh narodnosti // Se-vernaya Aziya. 1925. № 3. S. 8-16.
- Geologorazvedochnaya sluzhba Severo-Vostoka Rossii iz vospominanii gornogo inzhenera Rossii, akademika N.A. Shilo // Kolymskie vesti. 2000. № 10. S. 3-5.
- Tridtsat' let perekhoda. K otsenke vektora sotsial'noi transformatsii na primere Primorskogo kraia (1985 – 2014 gg.): Analiticheskii otchet po grantu Prezidiu-ma DVO RAN № 12-III-A-11-219 «Primorskii krai: potentsial modernizatsii regiona v svete itogov sotsial'noi transformatsii (1985–2010 gg.)». Rukovoditel' proekta: Vashuk A.S. // Ofitsial'nyi sait instituta istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. [Vladivostok, 2014]. URL: <http://ihaef.o.rg/publishings/publications/online> (vremya dostupa 12.02.2015).
- Tsaregradskii V. Po ekranu pamyati. Vospominaniya o Vtoroi Kolymskoi ekspeditsii 1930–1931 godov. Magadan: Kn. izd-vo, 1987. 168 s.
- Eleonora Lord Prei. Pis'ma iz Vladivostoka (1894–1930) / pod red. Birgitty Ingemanson; per. s angl. A.A. Sapelkina; Primorskii muzei im. V.K. Arsen'eva. Vladivostok: Rubezh, 2008. 448 s.
- Batsaev I.D. Osobennosti promyshlennogo osvoeniya Severo-Vostoka Rossii v peri-od massovykh politicheskikh repressii (1932–1953). Dal'stroi. Magadan: SVK-NII DVO RAN, 2002. 217 s.
- Zelyak V.G. Pyat' metallov Dal'stroya: istoriya gornodobyvayushchei promyshlennosti Severo-Vostoka Rossii v 30 –50-kh gg. KhKh v. Magadan: Kordis, 2004. 283 s.
- Vasil'eva E.V. Politika sovetskogo gosudarstva v oblasti nauki kak faktor transformatsii sotsial'noi struktury nauchnoi intelligentsii Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2001. 300 s.
- Vashchuk A.S. Problemy upravleniya Dal'nevostochnym regionom v sovetskii i post-sovetskii periody // Vestnik DVO RAN. 2013. № 1. S. 21–28.
- Vladimirova D.A. Problemy etnokul'turnogo vzaimodeistviya i vzaimovospriyatiya kitaitsev i russkikh na rossiiskom Dal'nem Vostoke i Severo-Vostoke Kitaya: Diss. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2005. 225 s.
- Glotov V.E., Glotova L.P. Okhotskii raion – predshestvennik "Zolotoi" Kolymy: istoriya otkrytiya, stanovleniya, usloviya dobychi zolota // II Dikovskie chteniya. Materialy nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 70-letiyu Dal'stroya. Magadan: SVKNII DVO RAN, 2002. S. 191-195.

- Dal'nii Vostok Rossii v period revolyutsii i grazhdanskoi voiny (Istoriya Dal'-nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 1). Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 632 s.
- Deeg L. Istoriya nemetskogo torgovogo doma na rossiskom Dal'nem Vostoke (1864–1924 gg.) / per. s nem. E. Krepak. Izd. ispr. i dop. Vladivostok: Izdatel'skii dom Dal'nevost. federal. un-ta, 2012. S. 396.
- Dyatlov V.V. Ot namestnichestva do regional'nogo komandovaniya // Voенно-istoricheskii zhurnal. M., 2008. № 2. S. 9–131.
- Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoi bezopasnosti rossiiskogo dal'-nego Vostoka (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.). Kn. 1-2/ Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2014. 224 s.
- Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v epokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.). M.: Nauka, 1991. 471 s.
- Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov s drevneishikh vremen do nachala KhKhI stoletiya / M.S. Vysokov, A.A. Vasilevskii, A.I. Kostanov, M.I. Ishchenko, otv. red. M.S. Vysokov. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izd-vo, 2008. 712 s.
- Larin V.L., Larina L.L. Okruzhayushchii mir glazami dal'nevostochnikov: evolyutsiya vzglyadov i predstavlenii na rubezhe XX–XXI v. Vladivostok: Dal'nauka, 2001. 312 s.
- Mir posle voiny: dal'nevostochnoe obshchestvo v 1945–1950-e gg. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 4) / Pod red. V.L. Larina. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. 696 s.
- Navasardov A.S. Transportnye osvoeniya Severo-Vostoka Rossii v 1932–1937 gg. Magadan: SVNTs DVO RAN, 2002. 184 s.
- Otsu S. Sovetskii rynek trud: Analiz yaponskogo spetsialista. M.: Mysl', 1992. 431 s.
- Remnev A.V. Regional'nye parametry imperskoi «geografii vlasti» (Sibir' i Dal'nii Vostok) // Ab Imperio. 2000. № 3/4. S. 343–350.
- Remnev A.V. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX v. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gos. un-ta. 2004. 552 s.
- Rossiiskii biznes zakhodit v KNDR cherez Dal'nii Vostok // Edinstvo. M.: Mezhdunarodnaya koreiskaya assotsiatsiya «Edinstvo», 2015. № 2. S. 12–14.
- Savchenko A.E. Istoriya administrativno-politicheskikh otnoshenii Tsentra i regio-nov yuga Dal'nego Vostoka (seredina 1980-kh –1990-e gody): Diss... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2011. 285 s.
- Sovetskii Dal'nii Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu epokhi: sb. nauch. statei /otv. redaktor E. N. Chernolutsкая. Vladivostok. IIAE DVO RAN, 2014, 334 s.
- Sokolov V.N. «Nikansкое tsarstvo»: Obraz neizvestnoi territorii v istorii Ros-sii KhVII–KhVIII vv.: Dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 1999. 338 s.
- Tikhookeanskaya Rossiya: stranitsy proshlogo, nastoyashchego, budushchego / Pod red. P.Ya. Baklanova. Vladivostok: Dal'nauka, 2012. 406 s.
- Tikhookeanskaya Rossiya–2030: stsenarnoe prognozirovanie regional'nogo razvitiya / Pod redaktsiei P.A. Minakira. Khabarovsk: DVO RAN, 2010. 560 s.
- Tkacheva G.A. Oboronnyi potentsial Dal'nego Vostoka SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Khabarovsk: KhKM im. I.I. Grodekova, 2013. 340 s.
- Khill F., Geddi K. Sibirskoe bremya: Proschety sovetskogo planirovaniya i budushchee Rossii / per. s angl. M.: Nauch.-obraz. forum po mezhdunar. otnosh., 2007. 328 s.
- Tsentr i periferiya v regional'nom razvitii / O.V. Gritsai, G.V. Ioffe, A.I. Treivish. M.: Nauka, 1991. 168 s.
- Chernavskaya V.N. «Vostochnyi frontir» Rossii KhVII–KhVIII v. Istoriko-istoriograficheskie ocherki. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 176 s.

- Chernavskaya V.N. Rossiya na Tikhom okeane. KhVIII – pervaya polovina XIX v. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 256 s.
- Shirokov A.I. Gosudarstvennaya politika na Severo-Vostoke Rossii v 1920–1950-kh gg.: Opyt i uroki istorii. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2009. 460 s.
- Shishkin V.I. Gosudarstvennoe upravlenie Sibir'yu v kontse XIX – pervoi treti XX v. 2013. Mart. URL: http://zaimka.ru/wp-content/uploads/2013/03/zaimka-ru_shishkin-government.pdf (vremya dostupa 14.01.2015).
- Shcheglov V.V. O motivatsii rossiiskogo prodvizheniya «vstrech' solntsu» v kontse KhVI –XVII vv. (Popytka osmysleniya problemy) // Kraevedcheskii byulleten'. Yuzh-no-Sakhalinsk, 2002. № 2. S.65–86.
- Hill F., Gaddy C. The Siberian curse: How communist planners left Russia out in the cold. Washington: BrookingsInstitutionPress, 2003. 302 p.

Ангелина Сергеевна Ващук, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, зав. отделом социально-политических исследований, va_lina@mail.ru

The Fate of the Russian Far East or the Contribution of the Region in the Development of Russia: Research Experience

The aim of the article is to expose the merits of the conception of “historical contribution” for elucidating history of eastern regions while appreciating contemporary theoretic – methodological complexes. The author contrasts the ideas of American specialists on these territories given in the context of “Siberian curse” with conception potential (imperial geography of the power, scientific and economic development of the region, interaction Center-Periphery, social-political security) being worked out and approved in the works of the Far Eastern historians. Heuristic possibilities of the conception of “contribution” are demonstrated in the format of brief brightest illustrations on the period of moving “towards the Sun Rise”, imperial, Soviet and post-Soviet including destructive experience.

Keywords: ideas, theories, conceptions, researching experience, Russia– the USSR, the Far East, historical process.

Angelina Vaschuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern branch of the RAS, Head of Department of Socio-Political Researches. E-mail: va_lina@mail.ru